

в борьбе с нарушителями закона «сверху», теперь он буквально одержим ненавистью и стремлением к расправе с «разжиревшей сволочью». Дед же Максима, переживший значительно больше, чем отец и сын, понимает, что зло опасно — оно может породить только новое зло. В 1991 появляется новая комедия **«Союз одиноких сердец»**, а в 1992 — драма **«Граф Алексей Константинович»**. В 1998 Театр им. Моссовета поставил спектакль **«Московское гнездо»** — об отечественной интеллигенции, которая сумела противостоять давлению диктатуры, но растерялась и не нашла себя в эпоху обновления и перемен...

Почти все пьесы З. поставлены на Родине и в зарубежных театрах, переведены на ряд иностр. яз. Мн. события в творческой биографии автора получили отражение в мемуарной книге З. **«Авансцена: Записки драматурга»** (1995). Начиная с 1980-х в критике установилось мнение о З. как о писателе, которому присуще «непрерывное ощущение тревожности времени», для которого даже история — «не мертвая ткань жизни, но энергия мысли, примера, образа, необходимого нам сегодня». Еще в середине 1980-х З. сказал, что он « всю жизнь пишет одно произведение » (Сохраняю надежду. С. 271). В изданиях избранных пьес З. пытается циклизировать их, как он позднее сделает это в прозе. Этот процесс не завершен — название циклов и их составляющие меняются: «Исторический театр», «Перевернутые страницы», «Удивительные карьеры», «Задумчивые комедии», «Покровские страсти» и т. д. Весь этот огромный массив разнообразного по темам и жанрам зоринского творчества объединяет пафос сохранения человеческого достоинства личности как условия существования всего человечества.

Соч.: Избранное: в 2 т. М., 1986; Покровские ворота: Повести, романы: в 2 т. М., 1993; Авансцена: Записки драматурга. М., 1995; Зеленые тетради. М., 1999; Размышления и надежды // Советские драматурги о своем творчестве. М., 1967. С. 373–383; Покровские ворота: пьесы. М., 1979; Сохраняю надежду // Совр. драматургия. 1984. № 2. С. 270–271; Трезвая самооценка: Коротко о своей работе // Книжное обозрение. 1988. № 4. 22 янв. С. 5; За кулисами пьесы // Искусствознание и психология худож. творчества. М., 1988. С. 179–207.

Лит.: Лакшин В. Посев и жатва // Новый мир. 1968. № 9; Рассадин С. Постоянство // Зорин Л. Театральная фантазия. М., 1974. С. 660–668; Клименко В. Диалоги под часами // Лит. обозрение. 1980. № 1; Соловьева И. Одинокое слово // Совр. драматургия. 1984. № 2; Ермаков Г. Эти странные герои // Звезда. 1984.

№ 11; Новиков В. Режиссура сюжета и стиля (Театр Леонида Зорина) // Диалог. М., 1986. С. 118–143; Зингерман Б. Диалоги Леонида Зорина // Зорин Л. Избранное. М., 1986. Т. 1. С. 5–12; Фролов В. Муза пламенной сатиры. М., 1988. С. 302–304, 373–374; Швыдкой М. Весь мир — театр // Совр. драматургия. 1993. № 1. С. 254–255; Львов-Анохин Б. О Л. Зорине и заметках В. Иванова по поводу его пьесы «Максим в конце столетия» // Совр. драматургия. 1994. № 11; Богданова П. Наши новые Фигаро [о пьесе «Московское гнездо»] // Совр. драматургия. 1999. № 1; Анненский Л. Страх перед равниной. К 75-летию Л. Зорина // Культура. 1999. № 40.

К. Ф. Бикбулатова

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович [28.7(9.8). 1894, Петербург — 22.7.1958, Ленинград; похоронен в Сестрорецке] — прозаик, драматург.

Родился в семье художника. В 1913 после окончания гимназии поступил в Петербургский ун-т на юридический ф-т. Не окончив курса, он отправился на фронт начавшейся Первой мировой войны добровольцем; участвовал в боях, отличаясь храбростью и отвагой, за что удостоен пяти орденов; командовал батальоном; был трижды ранен, отравлен газами, окончил войну в чине штабс-капитана. Впоследствии опыт военных лет, знание солдатской и офицерской среды так или иначе отражались в его произведениях, в т. ч. в первой книге **«Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова»**. После Февральской революции служил в Петрограде в должности коменданта Главного почтамта и телеграфа, а с июля 1918 — в пограничной охране в Стрельне и Кронштадте, но вскоре перевелся в действующую армию и воевал против белых под Нарвой и Ямбургом. Последствия ранений, однако, давали себя чувствовать. Кроме того, приходилось постоянно искать заработок. З. переменил несколько должностей, перепробовав разные профессии, что так и не дало какой-либо бытовой устроенности и покоя, но зато обогатило массой знаний и жизненных наблюдений. Он был свидетелем крутого переворота, свершившегося после революции в сфере общественной морали, его болезненно поражала и уязвляла живучесть мещанства, способного мимикрировать и самовозрождаться; в то же время З. не мог не видеть и подлинных страданий т. н. «маленького человека». С 1920 З. занялся лит. работой. Именно в лит-ре он видел свое настоящее призвание.

Среди множества существовавших в те годы лит. групп З. привлекла группа-студия



М. М. Зощенко

«Серапионовы братья», образовавшаяся в начале 1921. В группу входили К. Федин, Вс. Иванов, М. Слонимский, В. Каверин, Л. Лунц, Н. Никитин, И. Груздев, Е. Полонская. В своих декларациях, как правило, расходившихся с их худож. практикой, эти начинающие писатели делали упор на том, что лит-ра должна прежде всего быть искусством и не подчинять свои искания и формы общественно-политическим интересам. Отшельник Серапион, герой одной из новелл Т. Гофмана, ушедший от мира, чтобы познать тайны духовной жизни личности, в этом отношении был им близок, и они демонстративно подчеркивали свою аполитичность. Кроме того, Т. Гофман привлекал антимещанской направленностью своего творчества, «серапионы» ценили в нем непримиримого врага филистерства и обывательщины. З. пришел в эту группу, прежде всего потому, что она была студией, где учились друг у друга лит. мастерству. Антимещанская направленность молодых энтузиастов также была ему, в скором будущем сатирику и обличителю обывательщины, близка и понятна. У З. к тому времени уже сложились достаточно определенные и твердые взгляды на лит-ру. Он был приверженцем реалистических лит. традиций. Об этом свидетельствует замысел З. написать своего рода монографию о лит-ре конца XIX — начала XX вв. Судя по обнаруженному в архиве писателя плану книги, З. смотрел на

лит-ру эпохи, названной впоследствии Серебряным веком или русским Ренессансом, хмуро и раздраженно — как на некое буржуазное разложение с элементами «реставрации дворянской литературы». В своих оценках он был односторонен и даже явно грешил вульгарным социологизмом. Руководитель студии К. Чуковский тактично указывал на эти «крайности», внимательно читая все его первые сочинения. З. делал исключение в своих негативных оценках едва ли не всей лит-ры первых двух десятилетий XX в. лишь для М. Горького, А. Блока и Вл. Маяковского. Он стоял за жизнеутверждающее искусство, показывающее гармоничного, сильного и красивого человека, пронизанного светлым мироощущением. Его обращение к сатире, к юмористическим рассказам было продиктовано необходимостью борьбы за такого человека. Разоблачение мещанства, пошлости, скудоумия, духовной нищеты стало главной целью его творчества. Идеология новой эпохи, которой противостояло новоявленное мещанство и обывательский быт, очень импонировала ему именно требованием оптимизма, повышенной жизнедеятельности во имя осуществления светлых идеалов. З. — художник глубокий, со сложными философско-эстетическими исканиями, человек с драматической судьбой. Драматизм писателя заключался в том, что его «кличная эстетика», сложившаяся в ранней молодости, почти «без зазора вписывалась» в эстетику (в т. ч. официальную) новой советской лит-ры и в общих, основных своих чертах совпадала с тем, что было затем названо социалистическим реализмом. В этом смысле З. можно назвать писателем вполне ортодоксальным. Драма З. началась тогда, когда сатира была объявлена явлением чуждым и ненужным в советском искусстве. Однако основной массив новеллистического творчества, относящийся к 1920-м, вызывал исключительно благоприятную реакцию со стороны поистине миллионного читателя, по праву считавшего его классиком юмористической лит-ры.

Первая книга З. «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» (1922) представляла собою сборник юмористических новелл, где все персонажи — мещане, пытающиеся приспособиться к новым условиям существования. Комическая несообразность их претензий, духовная нищета выступают в смешных, уродливых и курьезных ситуациях. Важнейшей фигурой во всех юмористических и сатирических новеллах, составивших эту книгу и все последующие, является рассказчик, сама речь которого, косноязычная,

переполненная уличным жаргоном, канцеляризмами и грамматическими нелепостями, разоблачает и его самого, и тех, о ком он рассказывает. Эта маска простодушного, невежественного рассказчика была создана З. поистине с великим искусством. Юмор З. заключал, однако, в своей глубине сострадание к т. н. «маленькому человеку», растерявшемуся в годы великой ломки социальных и человеческих отношений. Этой внутренней боли обычно у З. не видели, отдавая должную восхищенную дань блеску юмористических ситуаций, выразительности речевых характеристик — словом, в основном юмору положений. В таком непонимании тоже состояла драма З. В воспоминаниях современников сохранились свидетельства о том, что публике нередко озадачивало несоответствие читательского образа «веселого Зощенко» с его реальным обликом: зрители и слушатели, видя знаменитого юмориста на эстраде, нередко бывали поражены его странной безулыбчивостью и «неуместной» грустью даже тогда, когда он читал самые смешные из своих рассказов. Порою и З. удивлялся смеху своих слушателей. По воспоминаниям М. Слонимского, Дм. Молдавского и др., З. порою был свойствен настоящий ужас при созерцании трагикомических и иных сторон нэповской действительности. Внутренняя драматичность рассказов писателя, не почувствованная в 1920-е ни читателями, ни критикой, более выпукло и едва ли не обнаженно проявлялась в его повестях. В первый большой сб. писателя **«Веселая жизнь»** (1924) наряду с рассказами включены повести **«Коза»**, **«Аполлон и Тамара»**, **«Мудрость»**, **«Люди»**, в книгу **«О чем пел соловей»** (1927) вошли повести **«Страшная ночь»**, **«О чем пел соловей»**, они же потом появились в сб. **«Нервные люди»** (1928). Эти произведения вошли в историю лит-ры под общим названием **«Сентиментальные повести»**. В них те же проблемы, что и в рассказах, в т. ч. и главнейшая для З. проблема маленького, простого человека, но в повестях он изображал не социальные низы, а, по его словам, «средний интеллигентский тип». В повестях на первом плане было, по признанию самого писателя, «больше литературных традиций».

Из «литературных традиций» критика неизменно выделяла гоголевскую, но при этом имелся в виду Гоголь «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и др. произведений, где видна смеховая избыточность и еще нет намека на знаменитый «смех сквозь слезы». Говорилось также, в связи с Гоголем, что З., безусловно, использовал сказовую манеру вели-

кого писателя. Это справедливо, но односторонне, ибо, как уже сказано, «веселый Зощенко» порою испытывал настоящий ужас перед окружающей его действительностью. В повестях З., особенно в знаменитой «Козе», да и в других, при внимательном прочтении весьма заметен этот «ужас». И чем дальше к концу 1920-х, тем быстрее начинает исчезать из произведений З. «смеховая избыточность» и вместо смеющегося Гоголя вдруг проявляется лик Гоголя страдающего, сомневающегося в необходимости своего искусства и в достижении идеала. Есть основания сравнивать З. конца 1920-х и, в особенности, 1930-х с Гоголем больным, мятущимся, зашедшим в смертный тупик второго тома «Мертвых душ». Этому способствовали и мучившие З. нервные расстройства, которыми он страдал с давних лет.

В известной степени можно сказать, что подобно своему великому предшественнику З. вступил на драматичный и безысходный в тогдашних условиях путь поисков и обретенный «живых душ». К этому его понудили участвовавшие обвинения в очернении действительности, а также возобладавшая тогда в критике официальная точка зрения о ненужности сатиры и колкого юмора в социалистическом обществе, что необходимо даже в сатире показывать положительные явления. Сатира должна быть «положительной», а герой непременно оптимистичным. З. внутренне готов был согласиться с подобными требованиями, ведь он всегда стоял за жизнеутверждающее искусство и его «личная идеология» никогда заметно не расходилась с официальной доктриной «социалистического реализма». В 1935 он закончил **«Голубую книгу»**, представляющую цикл рассказов, распадающийся на 5 частей: «Деньги», «Любовь», «Коварство», «Неудачи», «Удивительные события». В книге наряду с рассказами о современности есть и новеллы исторического характера, которые, по замыслу З., должны были показать, как деньги, корыстолюбие и др. пороки, свойственные людям «старого мира», калечили человеческие души. Замысел был подсказан Горьким, и З., следуя его советам, старался показать, что социалистическая эпоха представляет собою торжество светлых идеалов и конец старых предрассудков, победу добра над вековечным злом. В «Голубой книге» он собрал, помимо новых, рассказы 1920-х, но только те из них, что выглядели как можно безобиднее и «водевильнее», во всяком случае, светло и весело — без всяких «заплаканных глаз» и смеха «сквозь слезы». В тех случаях, когда

какой-либо рассказ, предназначенный для «Голубой книги», был ему дорог, но не обладал достаточной степенью оптимизма, З. его соответствующим образом редактировал — убирал отдельные, «компрометирующие» концовки и т. п. Рассказами 1920-х, включенным в книгу, в т. ч. и самым знаменитым, которые вся страна знала чуть ли не наизусть, особенно в этом отношении не повезло. «Голубую книгу» он считал своей победой (примерно так же отнеслась к ней и критика), но на самом деле это можно было считать поражением. Одновременно с «Голубой книгой» З. писал повести: «**История одной жизни**», «**Черный принц**», «**Керенский**», «**Шестая повесть Белкина**», «**Возмездие**», «**Тарас Шевченко**». Это была хорошая, добротная беллетристика, свидетельствующая о новых гранях таланта писателя, но большого читательского успеха они З. не принесли. Параллельно с «Голубой книгой» и названными произведениями писатель работал над повестями «**Возвращенная молодость**» и «**Перед восходом солнца**». Они внутренне тесно связаны с «Голубой книгой». Писатель, страдавший издавна, едва ли не с юности, душевным разладом, приводившим к длительным депрессиям, меланхолии и отчаянию, решил сублимировать свою боль в исповедально-отстраненное слово и таким образом освободиться от нее. Он внимательно прослеживает истоки своего недуга, спускаясь постепенно к началу жизни, к душевным травмам в младенчестве. Здесь он опирался на учение И. П. Павлова, который, кстати, высоко оценил «Возвращенную молодость», а также на З. Фрейда. Как показывают дневниковые записи, З. с юности интересовался соч. Фр. Ницше, особенно учением о «сильном человеке», о примате воли, его ожесточенной борьбой с собственной болезнью; именно последнее обстоятельство было, по-видимому, наиболее близким и привлекательным для З. Повесть «Перед восходом солнца» он опубликовал во время Великой Отечественной войны, полагая, что культ разума и человечности, пронизывающий произведение, особенно необходим воюющему народу. Однако партийная печать резко осудила повесть, увидев в ней мелочное самокопание в тайниках души и отстраненность от современности. Повесть была опубликована под названием «**Повесть о разуме**» много лет спустя (1972), уже после смерти писателя. Резкая критика повести была лишь началом яростной травли художника. В 1946 в известном постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленин-

град“» он был назван пошляком и врагом советской лит-ры.

З. писал не только прозу, он — автор около двух десятков пьес: «**Уважаемый товарищ**» (1930), «**Преступление и наказание**» (1933), «**Опавшие листья**» (1941), «**Под липами Берлина**» (совместно с Е. Шварцем, 1941), «**Солдатское счастье**» (1942), «**Пусть неудачник плачет**» (1943), «**Парусиновый портфель**» (1944), «**Очень приятно**» (1945). Ему принадлежат также переводы: «За спичками» и «Воскресший из мертвых» М. Лассилы, «От Карелии до Карпат» А. Тимонена, «Повесть о колхозном плотнике Саж» М. Цагараев.

Лучшая часть обширного наследия З., в особенности его юмористическая и сатирическая новеллистика, принадлежит к лит. классике.

Соч.: СС: Т. 1–6. М., 1929–31; Письма к писателю. Л., 1929; Рассказы, фельетоны, повести. М., 1958; Рассказы, фельетоны, комедии: Неизданные произведения. Л., 1963; Соч.: в 3 т. Л., 1986–87; Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., 1994; Избранное. М., 1998; СС: в 4 т. М., 2002.

Лит.: Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л., 1928; Ершов Л. Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х гг. Л., 1973; Молдавский Дм. Михаил Зощенко: Очерк творчества. Л., 1977; Старков А. Юмор Зощенко. М., 1974; Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979; Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина (Случай Зощенко). М., 1993; Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1–3. СПб., 1997–2002.

А. И. Павловский

ЗУБАКИН Борис Михайлович [19.4(2.5).1894, Петербург — 3.2.1938, Москва] — поэт, историк культуры, философ, скульптор.

Из дворян. Отец — полковник Генерально-го штаба (в годы Октября — военспец), предки матери — выходцы из Шотландии (XVIII в., род Эдвардов). Высокоодаренный с детства, З. поступил сразу в 5-й класс 12-й петербургской гимназии (1902). С 14 лет читал собственные науч. доклады, надеясь стать «профессором истории». В детстве испытал сильное впечатление, узнав, что род Эдвардов некогда дал мистиков-рыцарей и «водителей Духа». Окончив гимназию (1912), З. отказывается от поступления в ун-т: годом раньше он и однокашник, будущий философ В. Н. Волошинов, создают масонскую ложу «Свет звезд», изучают книги по оккультизму, устраивают моления. Д. С. Мережковский и Д. В. Философов приглашают З. на собрание Религиозно-фило-